

Советская Латвия. - Рига. - 1990. - 15 мая

Леонид Белявский: «Я — ЗА ЖИВОЙ ТЕАТР!»

Имя Леонида Белявского хорошо известно любителям сценического искусства нашей республики. В 60-е и 70-е годы он был режиссером Рижского театра русской драмы, поставил в нем немало запомнившихся спектаклей. Затем продолжительное время успешно возглавлял коллективы театров Норильска и Красноярска, был удостоен звания народного артиста РСФСР.

Чуть больше года назад Белявский вернулся в Ригу — главным режиссером театра, в котором начинал свой творческий путь.

Наш корреспондент попросил его ответить на несколько вопросов.

— Вы первым в стране поставили ряд пьес, отличавшихся совершенно непривычной трактовкой исторических событий, ломавших стереотипы, вызывавших бурные обсуждения, споры...

— Я противник превращения театра в музей, где все «разложено по полочкам» на многие месяцы и годы вперед. В нашей работе всегда должны быть идеи, идущие от жизни. Их надо искать и культивировать. Театр, особенно сегодня, должен быть живым. Это главное.

— Двадцать лет назад вы поставили на сцене Рижского театра пьесу М. Шатрова «Большевики». Спектакль имел большой успех: он был очень острым, злободневным. Ищете ли вы сейчас подобные пьесы для репертуара?

— Острые пьесы, поднимающие серьезные, волнующие людей проблемы, всегда интересны. Но мне кажется, что сегодня театр не может и не должен конкурировать с самой нашей бурной действительностью. Ее проблемы, особенно политические, сами — как в театре. К примеру, включите телевизор, посмотрите заседания Верховного Совета страны — и вы, пожалуй, воспримете их как драматический спектакль на злобу дня... Сила театра — в его обращении к внутреннему

миру человека, его нравственности, духовности, к вечным вопросам борьбы добра и зла — и не только вне человека, но и внутри его самого. Сегодня зритель все больше и больше привлекают постановки, в которых главное внимание уделяется этим насущным проблемам.

— Наверное, в связи с этим вы вспоминаете и о классике?

— Да. Театр уже начал работу над постановкой двух пьес такого характера — «Одураченный муж» Ж. Б. Мольера и «Царевич Алексей» Д. Мережковского. Первую вещь буду ставить я, вторую, почти не известную широкому зрителю, — приглашенный нами «бывший рижанин» А. Кац. В первой пьесе поднимаются проблемы личности, во второй — личности и власти.

— Проработав одиннадцать лет в Риге, вы в 76-м уехали главным режиссером в театр Норильска. Почему?

— Хотелось самостоятельности. Но и материальные вопросы имели не последнее значение... Не смущайтесь, что «вывели» меня на эту тему. Ведь для тысяч театральных работников вопросы оплаты их труда пока еще очень актуальны.

— Мне приходилось читать об успешных гастролях Но-

рильского театра в Москве, прошедших лет десять назад. Но чуть раньше в журнале «Юность» мне попалась на глаза статья «Режиссер из Норильска», перепечатанная из «Юманите» — в ней шла речь о вас и о сенсационном впечатлении, которое произвел на французского журналиста норильский театр. Как тот гость попал к вам?

— Он был не один. Примерно дюжину западных журналистов, аккредитованных в Москве, впервые пустили в закрытый город, «на экзотику». В Норильске им посоветовали сходить в театр. И гости не пожалели: высокий уровень, репертуар «театра за 69 параллелью» очень удивил их и был высоко оценен ими. И по достоинству. Тот драматический коллектив был на подъеме.

— После Норильска вы пять лет возглавляли драмтеатр в Красноярске. И вот через тринадцать лет вас снова пригласили в Ригу. Многие ли здесь изменились? Легко ли было решиться на возвращение?

— Мучительно!.. Ведь, по сути дела, мне предложили второй раз войти в одну и ту же реку. Но труппа, в которой я много лет работал, была за меня. И решимость откуда-то появилась... Да, в театре многое изменилось. Но, слава богу, изменилась и обстановка вокруг театра. Изменилась жизнь.

— Рижскому театру русской драмы — 107 лет. Он пережил войны, социальные потрясения, перевороты, мрачные и нечестные периоды. Каков он сегодня?

— Театр старается соответствовать нашему непростому времени. Жить полнокровной творческой жизнью.

Конечно, находясь в на-

циональной республике — Латвии, он имеет свою специфику. Наш театр, полагаю, является органичной частью местной культуры, работает, как говорится, не по службе, а в силу своего долга, желания донести до людей правду времени. Мы всегда заботимся о том, чтобы в нашем репертуаре были пьесы национальной драматургии, латышских авторов.

Наш театр всегда с большим интересом работал над латышской классикой и достигал заметных успехов. Это, к примеру, были пьесы Я. Райниса, А. Упита. И сейчас в репертуре театра замечательная пьеса Р. Блаумана «Дни портных в Силмачах».

— А пьесы современных латышских авторов?

— С этим сложнее. Не так уж трудно, как говорится, формально отдать долг — взять какую-то пьесу современного латышского драматурга, перевести, поставить. Но в таком случае вряд ли можно рассчитывать на положительный результат. Нужен тщательный отбор, нужно искать единственную необходимую именно нашему театру пьесу, созвучную и жизненным проблемам, и нашему репертуару. А это как раз самое трудное.

Недавно была инсценирована и поставлена на нашей сцене повесть Р. Ээры «Миражи». В «портфеле» театра пьесы М. Зиверта «Женитьба Мюнхгаузена».

Продолжая мысль о специфических условиях работы

нашего театра в Латвии, хочу подчеркнуть, что мы, так сказать, нещемлены в правах. Наоборот, к нам проявляют достаточное внимание и Союз театральных деятелей и Министерство культуры. Но, к сожалению, у нас есть и многие организационные проблемы, трудно решимые в новой ситуации.

— Главная из них?

— Театр — живой организм. И, конечно, время от времени он должен пополняться новыми актерами. Сейчас эта проблема особенно остро встала перед нами. Из коллектива по разным причинам выбыл ряд ведущих актеров. Нужен приток новых сил из других городов Союза. Возникло много проблем, и главная из них — как пригласить нужного актера в Ригу? Как обеспечить его жильем?

— Часть ваших актеров много годы проживает в общечужбинии...

— Увы, но даже общечужбиния на всех не хватает. Мы ставим вопрос перед

властями города, чтобы нам предоставили хотя бы 2—3 служебные квартиры, которые в случае отъезда актеров, оставались бы за театром.

— Но, судя по репертуару и настроению работников театра, в остальном вы все же воспряли духом. Я не ошибаюсь?

— Да, дела идут веселее. Театр перешел на хозрасчет. Мы обрели большую самостоятельность. Наконец-то прошли времена, когда и финансовые расходы, и репертуар утверждались на коллегиях Министерства культуры. Все расходы планировались не театром и осуществлялись по «железным» статьям. Исключалась всякая возможность доплаты актерам и т. д.

Сейчас все это отменено. Мы ставим пьесы, которые хотим ставить. Получаем общую сумму дотации и распоряжаемся ею самостоятельно. Хозрасчетная система и договорная система позволяют материально стимулировать актеров.

— Какие актеры составляют сейчас костяк труппы?

— Думаю, это — Н. Незнамова, М. Лебедев, Е. Иванович, А. Кричевский, Е. Крылова, Л. Голубева, Р. Гордиенко... Наши ветераны, которые еще в строю, — Б. Тихов, В. Глухов, В. Боголюбов, Г. Тимофеев. Большая нагрузка в репертуаре лежит на актерах среднего и молодого поколения — Б. Аханове, Ю. Сафронове, Г. Сизове, В. Шкрабаке, Н. Старовойтенко, И. Егоровой, Т. Поппе, Н. Беловой и других. Мне кажется, что успешно влились в труппу и недавно приглашенные к нам актеры С. Селеменов, С. Шилева, М. Боровков.

— Спасибо за беседу!

Е. РУБЦОВ.